

УДК 343.8

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЙ ОТ ОБЩЕСТВА

© 2014 Р. А. Ромашов

Аннотация. Автор, проведя разграничение понятий «воля» и «свобода», переходит к анализу « лишения свободы» как названия уголовного наказания. Далее рассматривается современная система контроля за лицами, к которым применены наказания и меры пресечения, не связанные с социальной изоляцией.

Ключевые слова: свобода, воля, наказание, лишение свободы, СЭМПЛ, УИИ.

THE PROBLEMS OF EXECUTION OF PUNISHMENTS AND THE APPLICATION OF NON-CUSTODIAL PREVENTIVE MEASURES

© 2014 R. Romashov

Summary. The author spending distinction between the concepts of «will» and «liberty» proceeds to analyze the «deprivation of liberty» as the name of a criminal punishment. Next, he considers the modern system of control for persons who applied to punishment and preventive measure not related with the social exclusion.

Keywords: freedom, will, punishment, imprisonment, the system of electronic monitoring for the controlled persons, criminal executive inspection.

Введение.

Традиционно в общественном сознании уголовно-правовое наказание ассоциируется с лишением свободы. При этом столь же традиционно отождествляются либо, по крайней мере, воспринимаются в качестве синонимов слова «свобода» и «воля». Значит ли это, что лишение свободы есть одновременно лишение воли? Можно ли ограничить волю, сохранив свободу? Возможна ли, в конце концов, неограниченная свобода? Эти и связанные с ними вопросы философско-правового характера имеют непосредственное отношение к такой сугубо прикладной теме, как применение к субъектам права наказаний и мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества (лишением свободы). В рамках предлагаемой статьи представляется логичным первоначально уделить внимание вопросам понимания и соотношения терминов «свобода» и «воля», высказать авторскую позицию относительно корректности формулировки «лишение свободы», а затем перейти к проблемным аспектам исполнения наказаний и применения правообеспечительных мер пресечения, не связанных с социальной изоляцией (лишением свободы).

1. Понимание свободы и воли в русской лингвистической традиции.

Традиционно в русском языке слова «воля» и «свобода» воспринимаются как синонимы. Вместе с тем лингвистический и юридический анализ смысловой нагрузки, которую эти наименования несут, позволяет утверждать, что свобода и воля по природе своей качественным образом отличаются друг от друга.

Воля – данный человеку произвол действия, простор в поступках, отсутствие неволи, власть, сила, могущество, вожделение, похоть...¹

Воля – возможность и право поступать, распоряжаться кем-, чем-либо по своему усмотрению, власть, отсутствие зависимости от кого-либо, возможность располагать собою по собственному усмотрению, свобода².

Свобода – своя воля, простор, возможность действовать по-своему, отсутствие стеснения, неволи, подчинения чужой воле³.

Свобода – отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие ограничений в общественно-политической жизни общества, совокупность всех прав граждан, определяющих их положение в государстве, состояние того, кто не находится в заключении, в неволе, возможность проявления своей воли на основе осознания законов развития природы и общества, возможность действовать в какой-либо области без ограничений, запретов, препятствий⁴.

Основными отличительными чертами, позволяющими разграничивать свободу и волю, являются:

- масштаб свободы изначально задан определенными границами (правила поведения в обществе, законы государства, деньги, договорные отношения и т.п.). Воля безгранична, «вольный» человек неподконтролен и неподотчетен в своих поступках кому бы то ни было, в своих действиях он ответственен исключительно «перед своей совестью и Богом»;

- свобода как поведенческая форма может быть реализована только в коллективе равных субъектов, отношения между которыми строятся на взаимно корреспондирующих правах и обязанностях (реализация права одним из участников «свободной» коммуникации находится в непосредственной зависимости от исполнения соответствующей обязанности контрасубъектом, и наоборот). Воля получает свое внешнее выражение в произволе, который может быть направлен как на нижестоящих (угнетение), так и на вышестоящих («русский бунт – слепой и беспощадный») представителей социальной иерархии;

- свобода невозможна вне права и правового закона; воля по определению отрицает правовое (равно как и всякое другое) внешнее ограничение;

- свобода есть форма поведения, воля – психологический фактор, играющий роль мотиватора и катализатора совершаемых человеком действий и поступков. В зависимости от обстоятельств воля может быть направлена на реализацию свободы и на ее подавление.

Из сказанного следует, что рационального смысла лишены такие выражения, как «свободная воля» и «безгранична свободы». Вместе с тем можно и нужно говорить о «воле к свободе».

Свобода представляет собой формально-содержательный масштаб, определяющий границы возможного, должно, недопустимого поведения для группы формально равных субъектов, осознанно и добровольно подчиняющихся установленным правилам и осуществляющих в рамках этих правил корреспондирующие права и обязанности.

Воля есть предпосылка свободы, человек, лишенный воли, не осознает ценности свободы и не стремится к ней. Вместе с тем человек, не осознающий необходимости ограничения воли свободой, рассматривает последнюю как негативный фактор, ограничивающий властный произвол. Не случайно многие представители бюрократического аппарата слова «либерализм» и «либералы» используют в уничижительном смысле, аналогичном понятию вольнодумство (не путать со свободомыслием).

Возникает логичный вопрос: можно за счет внешних средств воздействия и, прежде всего, за счет использования средств государственного принуждения, выраженных в уголовно-правовых наказаниях, лишить человека свободы и воли либо, напротив, дать ему эти качества?

Что касается свободы, то нужно четко понимать следующее: как и любое другое социальное качество, свобода вырабатывается в процессе общественной жизнедеятельности. Для того чтобы стать и быть свободным, нужно, во-первых, жить в качестве свободного человека в обществе свободных людей и участвовать в отношениях, основанных на свободе. Такими отношениями являются межсубъектные коммуникации, основанные на формальном равенстве сторон и адекватной корреспонденции прав и обязанностей контрасубъектов. Во-вторых, необходимо осознание ценности свободы в качестве индивидуального состояния и критерия оценки общественных отношений. Получается, что человек, изначально не осознающий своей свободы, не может ее соответствующим образом использовать. Примером таких несвободных отношений могут быть внутрисемейные коммуникации между родителями и малолетними детьми, последние «вольны» делать все,

что хотят (особенно на ранних стадиях развития). То же, кстати, можно сказать и о представителях «старшего поколения», которые не воспринимают свое любимое чадо в качестве равноправного и равнообязанного субъекта и считают себя вправе распоряжаться им и его жизнью по собственному усмотрению, в том числе применять к нему «родительский произвол», нередко выраженный в силовом воздействии («воспитание ремнем»).

Человек, осознающий себя свободным, одновременно понимает собственную ограниченность, заданную как внутренними, так и внешними факторами субъективного и объективного характера. Иными словами, если свобода есть, то она всегда предполагает определенный масштаб, который одновременно ее ограничивает и гарантирует. В таком понимании свободного человека свободы лишить нельзя, но можно изменить ее внешние рамки, то есть переформатировать масштаб.

Говоря о воле, следует исходить из ее изначальной безграничности. Следовательно, любое внешнее ограничение произвола следует рассматривать как переход от воли к неволе. Как тут не вспомнить М. Ю. Лермонтова:

*Сижу за решеткой, в темнице сырой,
Вскормленный в неволе орел молодой...*

2. О корректности названия уголовного наказания «лишение свободы».

Под наказанием в виде лишения свободы в современном российском уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве понимается содержание осужденного в одном из специализированных учреждений уголовно-исполнительной системы: исправительной колонии, колонии-поселении, лечебном исправительном учреждении, воспитательной колонии, тюрьме. Вместе с тем правоограничения, аналогичные установленным наказанием в виде лишения свободы, применяются к лицам, содержащимся в следственных изоляторах и с точки зрения презумпции невиновности считающимся невиновными, осужденным военнослужащим, отбывающим наказание в виде ареста и содержания в дисциплинарной воинской части, и т.п. Получается, что человека можно подвергнуть одним и тем же либо однопорядковым лишениям, но в одном случае будет считаться, что он в качестве осужденного лишен свободы, а в другом случае, – что лишения свободы не происходит. Нелогичность такого подхода, на наш взгляд, очевидна. Считаем, что словосочетание «лишение свободы» должно быть исключено из перечня видов уголовных наказаний, поскольку в любом случае речь идет не о лишении, а об ограничении свободы посредством определенного режима исполнения наказаний. В качестве видов уголовных наказаний (мер пресечения), связанных с социальной изоляцией, следует определить *содержание осужденного в учреждении УИС* в течение определенного срока и в рамках определенного режима исполнения наказания. При этом в зависимости от поведения конкретного осужденного режим может изменяться как в сторону смягчения и расширения масштабов индивидуальной свободы, так и в сторону их сокращения и ужесточения. Соответственно все уголовно-правовые наказания (меры пресечения) должны подразделяться на наказания и меры пресечения, связанные и не связанные с социальной изоляцией.

3. Наказания и меры пресечения, не связанные с социальной изоляцией.

Отношение к уголовно-правовому наказанию как к средству, направленному в первую очередь на минимизацию пенитенциарного и постпенитенциарного рецидива, обуславливает качественное изменение подходов к его форме и содержанию. Человек, помещенный в агрессивную среду «тюремной системы», безусловно, меняется. Вот только изменения эти, как правило, связаны с криминализацией, восприятием ценностей уголовной субкультуры, а значит, государство само невольно способствует распространению «криминальной инфекции».

Использование наказаний и мер пресечения, не связанных с социальной изоляцией (лишением свободы), обеспечивает реализацию принципа неотвратимости индивидуальной ответственности за преступления. Вместе с тем осужденный (подозреваемый, обвиняемый)

продолжает оставаться в нормальной социальной обстановке, что в существенной степени способствует сохранению им «человеческого лица в человеческих отношениях».

Построение в современной России правового государства, основанного на конституционном закреплении «человека, его прав и свобод в качестве основной ценности» (ст. 2 Конституции России 1993 г.), предполагает актуализацию и фактическое внедрение в уголовно-исполнительную систему наказаний и правообеспечительных мер, не связанных с социальной изоляцией. Осужденные (подозреваемые, обвиняемые), являясь субъектами уголовно-исполнительного (уголовно-процессуального) права, вместе с тем продолжают находиться в обществе, что усиливает эффективность исправительного и ресоциализационного воздействия наказания, а также минимизирует вредоносные последствия мер пресечения.

С 2010 г. в России начинает применяться наказание в виде ограничения свободы. С 2012 г. в качестве меры пресечения судами назначается домашний арест. Функция исполнения названного наказания и меры пресечения возложена на уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России⁵.

Однако у лиц, в отношении которых применяются соответствующие наказания и меры пресечения, зачастую возникает иллюзия бесконтрольности со стороны государства, что побуждает их к произвольному нарушению установленных правил. В целях осуществления действенного контроля за поведением привлеченных к уголовно-правовой ответственности лиц сотрудниками УИИ применяется система электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее – СЭМПЛ)⁶.

Применение новых наказаний и мер пресечения потребовало масштабной материально-технической модернизации, соответственно возникла настоятельная потребность в профессиональной подготовке сотрудников по соответствующему функциональному профилю. Задачи по организации образовательной деятельности в рамках учебных программ повышения квалификации были возложены на Самарский юридический институт и Воронежский институт ФСИН России.

В СЮИ ФСИН России в декабре 2011 г. на базе кафедры управления и информационно-технического обеспечения деятельности УИС была создана и с февраля 2012 г. начала функционировать лаборатория СЭМПЛ, целью которой является формирование у сотрудников УИС профессиональных компетенций операторов и администраторов СЭМПЛ. Созданная материально-техническая и учебно-методическая база, высококвалифицированный преподавательский состав позволили за период с 2012 по 2014 г. подготовить более 600 сотрудников по вышеназванным специализациям. Слушатели, прошедшие обучение, представляли практически все территориальные органы ФСИН России.

В процессе обучения были выявлены проблемы, разрешение которых связано и с определенными законодательными новациями, и с психо-коррекционными изменениями, направленными на преобразование правовой психологии как у сотрудников, применяющих СЭМПЛ, так и у осужденных (подозреваемых, обвиняемых). Назовем наиболее значимые проблемные блоки:

1. Основной проблемой, на наш взгляд, является недостаточная эффективность и конструктивность взаимодействия сотрудников УИИ с полицией. В настоящее время функции по оперативному реагированию на случаи предполагаемых нарушений режима ограничения свободы, а также по поиску вышедших из-под контроля лиц возлагаются на УИИ. При этом сотрудники обязаны реагировать на соответствующие сигналы независимо от времени их поступления и невзирая на угрозы для собственной безопасности. Однако факт правонарушения является основанием для действия полиции, сотрудники которой обязаны осуществлять в данных случаях сопровождение сотрудников УИИ. Аналогичная проблема связана с деятельностью по доставлению лиц, подвергаемых домашнему аресту, в правоохранительные и судебные органы. Функция досудебного конвоирования лиц, со-

держащихся в СИЗО, возложена на МВД, однако тюдественная функция по сопровождению лиц, содержащихся под домашним арестом, исполняется УИИ. С учетом того что большинство сотрудников УИИ – женщины, а около 90 % лиц, находящихся под домашним арестом, – мужчины, более 50 % из которых подозреваются в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, возникает реальная угроза безопасности сотрудников УИИ, требующая вмешательства со стороны МВД, провозглашающего охрану прав человека и гражданина в качестве основной цели своей деятельности.

2. Введение в практику наказаний, не связанных с социальной изоляцией, обуславливает необходимость качественного пересмотра статуса условного осуждения (ст. 73 УК РФ). С юридической точки зрения действие принципа неотвратимости ответственности за преступление исключает саму возможность «условности» осуждения. Факт осуждения как социально-правового порицания лица, совершившего преступление, несомненно, является безусловным. Другое дело, что законодатель, руководствуясь принципами гуманизма, может отсрочить исполнение наказания либо применить альтернативную меру, не связанную с социальной изоляцией. Но в этом случае наказание в виде ограничения свободы по сути своей аналогично условному осуждению.

3. Действие принципа равенства всех перед законом предполагает применение любых мер наказания и пресечения, независимо от социально-экономического статуса субъекта преступления. Вместе с тем использование СЭМПЛ в качестве необходимого условия предполагает наличие у лица собственного жилья, что в условиях России, вплоть до настоящего времени, не является общедостижимым фактором. Таким образом, на практике мы имеем дело с уголовной ответственностью «бедных» и «обеспеченных».

4. Деятельность сотрудников УИИ находится под жестким контролем со стороны сотрудников контролирующих инстанций (прокуратуры, правозащитников, журналистов и др.). При этом при возникновении инцидентов, связанных с «конфликтом интересов», действует презумпция «виновности сотрудника», всякий раз обязанного доказывать обоснованность и правомерность своих действий. Считаем, что в подобных случаях должна действовать презумпция «правоты сотрудника», предполагающая изначальную законность выполнения им своих функциональных обязанностей. При этом за основу оценки действий должностного лица должна приниматься концепция обеспечения безопасности сотрудника в ходе его служебной деятельности.

Перечень проблемных вопросов можно продолжить. Однако наличие проблемы свидетельствует в первую очередь о процессе развития. УИИ находятся в авангарде реформационного преобразования ФСИН России и на своем месте делают все возможное для реализации целей и задач, определенных Концепцией развития уголовно-исполнительской системы Российской Федерации до 2020 года.

¹ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 140.

² Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – С. 91.

³ Даль В. И. Указ. соч. – С. 581.

⁴ Современный толковый словарь русского языка. – С. 726.

⁵ См.: Зарембинская Е. Л. Я горжусь нашими сотрудниками // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2014. – № 5 (144). – С. 3–7; Бурмакин Г. А., Поздняков В. М. История развития в России правовых основ и системы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Там же. – С. 9–12; Чернышева Д. В. Особенности применения домашнего ареста как меры пресечения, исполняемой уголовно-исполнительными инспекциями // Там же. – С. 32–35; Уваров О. А. Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с институтами гражданского общества при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Там же. – С. 36–39; Маковский В. С. Зарубежный опыт исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Там же. – С. 40–43.

⁶ См.: Дегтярева О. Л. Практика применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) и ее влияние на динамику повторной преступности среди осужденных к наказанию в виде ограничения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2014. – № 5 (144). – С. 25–31.